

The Influence of the Romanian Language on the Grammar of the Ukrainian South-Bessarabia Dialects

Andrij Kolesnykov¹

Abstract: The article deals with a problem of the interference of the Romanian language on the grammar of the Ukrainian dialects of new formation spread in the multi-lingual and multi-dialectal area between the Danube and the Dniester rivers. The author establishes its character and classifies the results of interfering processes in the area. It is underlined that the research of the Ukrainian dialects in this continuum needs to be taken into account coordination with investigation of other languages in this region.

Keywords: the area between the Danube and the Dniester rivers; the dialects of new formation; morphology; interference

Междуречье Днестра и Дуная (МДД) – юг Одесской области Украины, ареал бытования украинских южнобессарабских говоров – относится к регионам со сложной языковой ситуацией: здесь на протяжении уже почти двухсот лет взаимодействуют украинский, румынский, русский, болгарский гагаузский и др. языки в диалектной и (некоторые из них) литературной форме.

Традиционно считается, что влияние румынского языка, как и других неблизкородственных языков, на украинские южнобессарабские говоры на уровне грамматики невелико, в отличие от лексики. Ср. утверждение исследователей 60-х годов XX века, что влияние неродственных (молдавского, гагаузского и др.) и менее родственных (чем русский, а именно, болгарского) языков ограничивается сферой лексических заимствований и на системе звуков и форм, а также на структуре предложения не отражается (Мукан, 1961, р. 14; Drozdovskij, 1962, р. 25). При этом, конечно, нельзя не согласиться с тем, что морфологические особенности украинских южнобессарабских говоров обусловлены «...в первую очередь внутренними закономерностями, разной диалектной подосновой исследуемых говоров и, отчасти, длительным влиянием смежных русских и молдавских говоров. Следует также принимать во внимание

¹ PhD, Izmil State Liberal Arts University, Ukraine, Address: 12, Repin St., Izmil, Odesa oblast, Ukraine, 68600, Tel: +380930455577, Corresponding author: kolesnik_andrei@mail.ru.

влияние официально-делового и литературного русского и румынского языков» (Drozdovskij, 1962¹, p. 114).

На уровне лексики вопросы восточнороманского влияния на украинские южнобессарабские говоры затрагивались В. П. Дроздовским, А. М. Мукаем, Т. П. Заворотной, П. Е. Гриценко. Например, В. П. Дроздовский, утверждая, что «больше всего слов романского происхождения касается понятий животноводства, виноградарства и домашнего быта» (Drozdovskij, 1961, p. 155), как результат заимствования из румынского (молдавского) называл лексемы: *бур'дейка*, *бур'дейя* 'маленький домик', *бу'дейчик* 'маслобойка', *ва'кар* 'пастух коров', *букан'ч'и* 'кожаные туфли военного фасона' и др. (Drozdovskij, 1961, p. 153), – причем выделял заимствования, лишь прошедшие через романское посредничество, – «архаизмы славянского происхождения, которых, в общем, немного» (Drozdovskij, 1961, p. 155): *к'лака* 'совместная помощь', *'кирд* 'отара, стадо', *на'нашко* 'крестный', *прашу'вати* 'полоть' и т.д. (Drozdovskij, 1961, p. 154; Drozdovskij, 1962, p. 23-26). Кроме того, «наибольший процент лексики, вошедшей из родственного русского языка, составляют слова молдавско-румынского происхождения» (Drozdovskij, 1962, p. 23), а значительная часть болгаризмов «...проникла не непосредственно из болгарских говоров, а при посредничестве румынского и молдавского языков» (Drozdovskij, 1962, p. 24). И все же Т. П. Заворотная касательно лексики отмечала, что «пути заимствований тут непосредственные, поскольку контакты между представителями разных говоров непосредственны» (Zavotnа, 1967, p. 294). Сразу оговорим, что некоторые грамматические заимствования в украинских говорах МДД характеризуются опосредованным путем вхождения через материнские говоры.

П. Е. Гриценко на основе информации «Атласа украинского языка» (AUL, 1984-2001) к лексемам, функционирующим в МДД и имеющим восточнороманские источники, относит также: *год'жак* 'дымоход (в доме)', *'дзестри* 'приданое', *кот'лон* 'печка, выкопанная в земле', *пану'шюйа* 'кукуруза', *'рина* 'овраг', *ст'рунга* 'стойло для овец' и др. (Hrytsenko, 2006, p. 8 - 9). Внимание влиянию лексики румынского языка на украинские говоры ареала уделяется и современными исследователями (Е. Мирошниченко, Е. Даки). Так, Е. Мирошниченко как восточнороманские заимствования называет лексемы: *чик'леж* 'стебли кукурузы', *б'ринз'а* 'овечий сир', *гар'ман* 'огород возле дома', *ф'ин*, *ф'ина* 'крестники' и др. (Miroshnychenko, 2005, pp. 279-284).

Таким образом, нельзя не согласиться с утверждением П. Е. Гриценко, что наличие значительного массива интерферентных элементов в говорах разных языков МДД является самоочевидным, ведь даже разрозненные наблюдения подтверждают этот факт, тем не менее, они не решают вопросов времени

заимствований, географии заимствованных элементов, направлений междиалектных влияний и др., требуя дальнейшего координированного изучения разных языков ареала (Hrytsenko, 2006, p. 11).

Не меньшего внимания требует и анализ интерферентных явлений на грамматическом уровне, среди которых отмечалось, что румынский язык, наряду с русским, мог быть своеобразным катализатором в развитии такой распространенной и интегральной для разных типов украинских говоров МДД черты, как стирание чередований *z, k, x //z', ɥ', s'*. Формы существительных I склонения (особенно имен собственных) без таких чередований присутствуют во всех генетических типах этих говоров – в ЧДС с юго-западной, юго-восточной и северной диалектными основами (*на /Лунг'і, в Рай/л'анк'і*). Исследователями еще более полувека назад было отмечено, что для южнобессарабских говоров «устранение второй палатализации ... является стойкой и очень распространенной чертой» (Drozdovskij, 1962¹, p. 147), приобретенной именно на этих землях, поскольку здешние украинцы до переселения были преимущественно представителями тех говоров, где данное чередование есть и было нормой (Drozdovskij, 1962¹, p. 148). Объясняя устранение второй палатализации в исследуемых говорах, В. П. Дроздовский подчеркивает, что в основе этого лежит тенденция к однообразию, выравниванию звукового состава склоняемых форм в пределах основы, а также этому способствовали «длительные и тесные контакты с представителями русских говоров, и, до определенной степени, молдавских» (Drozdovskij, 1962¹, p. 148). Комплексное стимулирующее влияние русского и румынского языков наблюдаем также и в лексике, напр., именно этим, по нашему мнению, обусловлено то, что носители украинских говоров всех генетических типов используют отличные от украинских литературных названия месяцев с общими русскому и румынскому языкам корнями (*фев'рал', /март, ап'рел', май* и т.д.).

Румынское влияние находили также в формах Род. п. имен существительных II склонения с переходом конечного *s* в интервокальной позиции в *z* (*/газу, /ризу, /силозу*), не наблюдающегося теперь системно. Напр.: «...приняв во внимание двуязычность местного населения (большинство украинцев исследуемой местности неплохо владеет, кроме родного языка, бытовым молдавским языком) можно предположить, что переход интервокального нормативного *s* в *z* в слове *гас* произошел не без влияния молдавского и румынского языка» (Drozdovskij, 1962¹, pp. 111-112; Drozdovskij, 1961, p. 149); Ср. также: «Влиянием со стороны молдавских говоров обусловлен, вероятно, переход интервокального *s* в *z* в словах */газу (/гасу), /ризу (/рису), бур/нузу (бур/нусу)* – ср. соответствующие молдавские лексемы *газ, о'рез, бур/нуз*. Особенно большой вес на распространение и закрепление этих форм имело слово *газ* (происходящее от *гас* «керосин» - А.К.), которое в словосочетании «*гай ла газ?*» («*кому гас?*») не так давно звучало из уст

продавцов керосина (как правило, молдаван или румын)» (Drozdovskij, 1962¹, pp. 443-444). А уже формы типа ¹силозу, бар¹казу, о¹тoбузу являются, по мнению В. П. Дроздовского, внутрдиалектными (Drozdovskij, 1962¹, pp. 443-444), возникшими, вероятно, по аналогии с предыдущими.

Непосредственно к грамматике относятся лексические заимствования в сфере служебных слов и слово-, формообразующих формантов. Одним из наиболее ярких таких заимствований считаем появление во всех генетических типах украинских говоров (а также в говорах других языков МДД) служебных элементов (частиц-междометий) *мей, бре (бр'е, брей)*. Напр., В. П. Дроздовский писал: «Молдавскими по происхождению являются часто употребляемые при обращении к кому-нибудь слова *мей, бре*» (Drozdovskij, 1962¹, p. 444). А. М. Мукан отмечала: «Употребляемыми в говорах являются еще слова из молдавского языка *мей, мой, брей, бре*, которые имеют, кажется, определенное значение усиления, хоть и не всегда. Иногда они словно заменяют собой обращения и др. Например: *іди мей бре* (Десантне); *ка¹жи мей брей* (Першотравневе); *не плач бре* (Кислиця); *подсо¹б'іт' мей* (Шевченкове); *мей /іа /дес' /бачила вас* (Саф'яни); *ні¹деш мой?* и др.» (Mukan, 1960, p. 201). Почти во всех говорах МДД есть и заимствованная из румынского языка частица *гата (гата)* (*з руки б¹ре ди¹тину і /гата* – Пк.), также отмеченная прежде (Drozdovskij, 1962¹; Mukan, 1960).

Значения данных частиц в украинских говорах толковались исследователями по-разному. Напр., кроме отмеченного, частица-междометие *мей* (рум. *тăi* – укр. 'гей, ей' (DRU, 1963), а так же 'ей ти', 'е') охарактеризована так: «*Мей* – 1. 'интимное обращение к близкому лицу, употребляющееся вместо имени'; 2. 'частица, употребляемая вместе с обращением, выраженным именем' (*мей /Ван'а /с'час зв'інок /буде*)» (Drozdovskij, 1962²); «*Мей* – межд. форма обращения (*Мей /іди с'у¹ди*)» (Bondar, 2011). Значение похожей по употреблению на *мей* частицы-междометия *бре (брей, бр'е)* (рум. межд. *bre* – 'ну', 'ей ти') в украинских говорах МДД объясняют так: «*Брей, бре*, 'междометие, заменяющее собой обращение; часто употребляется как средство интимизации речи' (*ііхау /бре /тай пирі¹кину¹с' там; це ж ка¹з'онний чоло¹в'ік /брей*)» (Drozdovskij, 1962²; Bondar, 2011). Междометие и наречие *гата (гата)* (в рум. *gata* – прил., 'готовый' (DRU, 1963), нареч. и межд. 'готово', 'та й годі', 'і край', 'досить', 'все') прокомментировано следующим образом: «*Гата* – 'кінець'» (Drozdovskij, 1962²); «*Гата* – межд. молд. *Все; готово; закінчено, кінець*» (Bondar, 2011).

Эти заимствования из румынского языка относятся к «новым диалектным явлениям, так сказать южнобессарабским» (Drozdovskij, 1962¹, p. 33), т.е. тем, которые сформировались в МДД и распространены в ареале в ЧДС всех генетических типов: */думайу /мей ш'о це т¹ке* (Пк.), *гай бре /в'іриш йо¹му* (Рл.1.), *лиш ійд'но му¹ч'ен'іе й /гата* (Пк.), *ко¹му йа /нужна бр'е, мей /в'ін йак*

ногу вл/мау (Яр.), *мей!*/ма/ла *куча!*, *та й бре /іди вже* (Пл.), *от дур'на дитина/мей, ой мей куди, ш'о ти кажеш /уса?/ш'об дивилуса /мей* (Мл.) и т.д.

Значительной активностью характеризуется в украинских говорах МДД и частица *гай* '*гайда*'. Румынское влияние здесь диалектологи усматривают в том, что «глаголы изъявительного наклонения с частицей *гай* (в значении *давай, ну*; ср. рум. *hai* с этим значением) выступают в подобных случаях в функции повелительного наклонения. Например: *гай н'иш/ли, гай йа с'кажу, гай хо'д'ім*» (Drozdovskij, 1962¹, р. 444; Drozdovskij, 1961, р. 150). По нашему мнению, саму частицу *гай* вряд ли следует интерпретировать как результат прямого влияния румынского языка, но такое влияние (исключительно стимулирующее), вероятно, есть в ее активизации в указанной функции в данных говорах и вытеснении связанной с ней словообразовательной связью частицы *гайда*.

Интересное поведение и эволюцию наблюдаем у заимствованной из румынского языка полифункциональной частицы *май*, употребляемой в ряде моногенетических говоров МДД с юго-западной диалектной основой, как и в материнских для них севернобессарабских говорах, в качестве форманта степени сравнения, выполняя также союзную функцию.

Элемент *май*, который в украинских южнобессарабских ЧДС отмечался в шестидесятых годах XX в. в Пк., Рл.2. (Drozdovskij, 1962¹, р. 128; Drozdovskij, 1961, р. 150) и Рл.1. (Logvin, 1965), – результат влияния румынского языка, но черта материнских севернобессарабских говоров, а не приобретенная в МДД. В пользу этого свидетельствует и то, что в придунайских говорах, которые более 20-ти лет дольше находились в ареале под усиленным влиянием румынского языка, частицы *май* не появилось. На генетическую основу ЧДС МДД, в которых наблюдается (наблюдался) *май*, указывает и то, как функционирует этот элемент, широко распространенный в юго-западных украинских диалектах (ср.: AUL; Prylypko, 1983; Pavluk, 2003).

В румынском языке *май* (*mai*) многозначно – функционирует как наречие со значениями, соответствующими украинским 1) '*більше, більш*'; 2) '*ще, іще; майже*'; 3) '*вже, уже*'; 4) '*небагато, трохи*'; 5) '*тільки, лиш, лише*'; 6) в сочетании с прилагательным и причастием образует сравнительную степень; 7) в сочетании с артиклями *cel, cea, cei, cele* образует превосходную степень (DRU, 1963). В компаративе и суперлативе *май* означает не только '*більш, найбільш*', но и '*менш, найменш*', также имеет значение '*знов*', может выступать в роли союзов (*то...то*) и частиц (*же*). В соотносимых с этими значениями *май* очень активно проявляется и в некоторых украинских говорах МДД (напр., Пк, Вс.), а не только как формант степени сравнения прилагательных и наречий, как это было отмечено ранее (Logvin, 1965; Drozdovskij, 1961). В то же время, в отличие от ряда украинских говоров,

функционирование *май* как способа выражения степеней сравнения не регулируется здесь ударением, а формы *ище май* (которые соотносят с румынским *cel mai*) не выражают превосходной степени (Prylyrko, 1983).

Частица *май* здесь присоединяется к положительной степени прилагательных и наречий (*май т'рудно, май кра'сиво; май доро'гий, май ро'зумна*), реже – к синтетической форме сравнительной степени (*май 'менше, май 'дал'ше; май с'тарша*), где она выступает как «частица для усиления качества прилагательного» (ср.: Негман, 1998, к. 61). Превосходная степень может образовываться с помощью слова *'самий* + конструкция *май* + нулевая степень (*'самий май 'добрий, 'сама май ста'р'ин:а*), где *май* усиливает значение аналитической формы суперлатива. В связи с этим приведем пример, подтверждающий употребление данной частицы в Пк. в некоторых из этих значений в середине XX века, а именно, где она «прибавляется к сравнительной степени прилагательных: *Ци'гай – це у нас май м'н'акша 'воўна; 'Самий май краи'чий*» (Drozdovskij, 1961, р. 150). Компонент грамматической системы *май* функционирует и с глаголами (*май пок'лала, май 'помне, май по'ходила по'ходила, май 'винесла*), существительными (*май дисцип'л'ина 'була*), а также с местоименными словами (*та'ко май су'ди, май 'начи', 'мама май та'ко 'була*) (ср.: AUL; Негман, 1998).

В ряде говоров МДД севернобессарабского генетического типа, в частности Рл.1., Рл.2., Мл., активная во всех южнобессарабских говорах частица *мей* теперь вытесняет собой фонетически и функционально подобный компонент *май*, напр., *по'кам'ис' мей 'дешево, т'рошки мей с'тарши, воно 'б'ил'ш мей 'качеств'ен:о бере, 'ше мей по'перед'и, ш'об'йак'знали мей і ми'шо це п'разник* (Мл.); *мей до'бавили, кар'тошку ме'й нако'пала, 'весело мей 'було, мей прост'ше, 'л'уди мей с'тали/мей кул'турн'иш'и* (Рл.2.); *'сама мей 'хуже, 'сама мей т'рудний, 'сама мей т'ажел'ише, у'же мей на'чало уро'дило, та мей 'весело 'було йак ш'ас* (Рл.1.). Функциональное замещение *май* > *мей* (*мей 'луч'и*) осуществляется путем аттракции с расширением семантики *мей* и стиранием, вытеснением грамматического элемента *май*, чему способствовала и фонетическая черта говоров данного генетического типа – известно, что галицко-буковинской диалектной группе в определенных позициях свойственна замена [a] на [e]. Однако процесс вытеснения еще не окончательно завершён – по признанию диалектоносителей: *йа'зик де заб'іжит /та 'може й с'кажу (скажу май а не мей – А.К.)* (Мл.). Это спорадически подтверждают и диалектные тексты: *май с'тарша, 'було чим май об'ро'б'ати* (Мл.).

Возможно, процесс вытеснения *май* и расширения семантики *мей* начался уже давно, на что косвенно указывают фрагментарные замечания по поводу этой частицы В. П. Дроздовского и В. П. Логвина, а также зафиксированное у

частицы *мей* «определенное значение усиления» (Mukan, 1960, р. 201) в придунайских говорах, где, кстати, элемент *май* не наблюдался и ранее.

В украинских говорах МДД с севернобессарабской диалектной основой распространены конструкции творительного инструментального падежа с предлогом *з* (*с, із*) (*вили/вали з во'дойу, із мама/лигойу мо'ч'айут* – Пк; *з п'ід'водойу/несли, /мастиш с /салом* – Вс.; *с /ножиками настругали, при'їхав з /лод'койу* – Рл.1.), спорадически встречающиеся и в говорах другой генетики (*з мото/циклойу /їїхали, з н'ї'жем за'р'їжут'* – Пл.). Такие формы есть и в других украинских говорах – среднезакарпатских, а также в закарпатских говорах Мараморощины (Pavluk, 2003, р. 84). По мнению Н. Павлюка и И. Робчука, такая конструкция «...могла распространиться под влиянием румынских соответствующих конструкций: *transportă fânul cu carul; taie pâinea cu cuțitul*» (Pavluk, 2003, р. 84).

Результат интерферентного влияния румынского языка усматриваем и в отдельных локализованных (Пк., Вс.) формах категории рода – не в прямом заимствовании рода, а в модификации первоначального рода под влиянием фонетических структур румынских форм: *цей ви'но* (ср. рум. *vin*), *о'л'їй* (ср. рум. *ulei*), *т'аск* (ср. рум. *teasc*). В отдельных случаях (*о'л'їй*) такое влияние лишь стимулирующее – сводится к закреплению довольно широко известной украинским диалектам формы.

Немало заимствованных в отдельных говорах междометий, например для призыва кур – *пуй-пуй* (ср. рум. *riu-riu* с этим же значением) (*пуй_пуй_пуй_пуй* 'ціп-ціп' – *ку'рей по сто /майу* – Пк.) и других вкраплений-реплик (*вуй 'ах' це /було двої'н'ата* – Пк.; *е! шо ти в'рей!* 'хочеш!'; */ад'ї_ме!* 'давай' */ад'ї_ме да'вай!* – Вс.). Интерферентные явления наблюдаются и на уровне грамматики текста, а именно – отдельные фразы в структуре микротекстов соответствующей тематики (напр., независимо от генетического типа говора, в связи с методами воспитания в румынской школе мало кто из диалектоносителей соответствующего возраста не вспоминает фразу */ц'їне /мине* 'держи руку' ср. также: *ба'гато сл'їу румин'ких їа з'найу //пін'е /лінга /вака; до /дев'їат' ча'соў гу'л'али /а то'д'ї ру'мин фуш /а'каса* – Пл.) и воссоздаваемые микротексты, микротексты-цитаты на румынском, напр.: */д'ад'ко жи'ве вже /даже сто с /чем_то /год /ї просе в /бога с'мерти /ни'ма //їак /ка'л'адка була /ранше при ру'мин //в'ін'ї мо'арт'е /мане'оса /ку ку'цитул ши ку /ко'са /їеу ма рок ка се ме'ласе... – Пк. И т. д.*

Таким образом, интерферентное влияние румынского языка на основную массу украинских говоров МДД на грамматическом уровне хоть и действительно не так велико, как на лексическом, но существенно и затрагивает ряд интересных с точки зрения динамики явлений, важных и для

территориальной дифференциации данных ЧДС. Это, во-первых, новые, интегральные для всех говоров МДД черты (*мей*, *бре*). Во-вторых, сохраненные черты материнских говоров, выраженные локально (*май*, характеризующее севернобессарабский генетический тип украинских говоров МДД). В-третьих, новые, но также локализованные, возникшие на базе материнских, и дифференциальные как для генетических типов украинских говоров, так и внутри генетических типов черты (*мей* как формант степени сравнения и других значений, первично свойственных *май*).

При этом пути грамматической интерференции таковы: заимствования формообразующих и словообразовательных формантов, а также аналогия как непосредственно с румынским языком, так и опосредованно, с уже заимствованными ранее элементами в украинских говорах. На грамматическом уровне, как правило, действует не прямое заимствование, а именно стимулирующее влияние – взаимодействуют фонетически и функционально подобные элементы разных языков. В этих условиях фонетически подобные элементы развивают тождественные функции, а функционально схожие – уподобляются по форме, что способствует видоизменению генетически родного элемента грамматической системы и уподоблению его элементу стимулирующего языка; происходит вытеснение новой формой функционально дублирующих аутентичных элементов. Т.е., формант степени сравнения *май*, возможно, был заимствован материнскими говорами благодаря схожести с родным *най* (*май* ¹*б'іл'ше* – *най*¹*б'іл'ше*), впоследствии вытеснил его и развил ряд функций, в том числе и союзную, подобно румынскому языку (похожий механизм можно усмотреть и в других случаях: *гата* – *годи*, *гай* – *гайда*, *мей* – *гей*). Дальнейшее развитие заимствованных элементов происходит под влиянием диалектного окружения – служебное слово *мей*, присутствующее в большинстве говоров разных языков, расширяет свои функции благодаря фонетической близости с *май*, перенимая на себя функции *май* как форманта степени сравнения и вытесняя его.

Следует согласиться с мнением исследователей (Mukan, 1961; Drozdovskij, 1962) об отсутствии прямого заимствования словоизменительных формантов и прямого влияния словоизменения румынского языка на украинские говоры МДД, однако говорить, что на системе форм и структуре предложения влияние румынского языка совсем не отражается, по нашему мнению, нельзя. Категории, в которых наблюдается влияние румынского, касаются и синтаксиса, в частности, в структуре значения степени сравнения есть синтаксическое значение актантной деривации. На синтаксис влияют заимствования и в сфере служебных слов, особенно предлогов и союзов – *май* как союз (*може* ¹*бат'ко кому'н'іст* /*май* ¹*мама кому'н'іст* – Рл.2.). К тому же, служебные слова во многих диалектологических описаниях украинского языка даже рассматриваются в разделе «синтаксис».

Интерференция в категории рода демонстрирует опосредованное влияние румынского на словоизменение и синтаксис (*того гол'йу, цей ви'но, в'ін хо^ароший* – о вине, *той 'чистий ви'но*), а также словообразование (*за'жар'уйут в ол'йчику*). Следует отметить, что грамматическая интерференция в украинских говорах МДД требует дальнейшего изучения, в частности, словообразовательный потенциал не только грамматических, но и лексических заимствований (*к'лакати йде'мо* – от *к'лака*; *йй'ден курка'н'а* – ср. рум. *cursan* 'индюк').

Список условных сокращений

Пк. – Петровка Тарутинского р-на
Рл.1. – Ройлянка Саратовского р-на
Рл.2. – Ройлянка Татарбунарского р-на
Мл. – Молдово Саратовского р-на
Вс. – Высочанское Тарутинского р-на
Ну. – Новоукраинка Тарутинского р-на
Пл. – Плахтеевка Саратовского р-на
Яр. – Ярославка Саратовского р-на
Все села расположены в Одесской области.

References

- AUL (1984-2001). *Атлас української мови/Atlas of the Ukrainian Language*. Kyiv: Naukova dumka.
- Bondar, Oleksandr (2011). *Словник українських говорів Одещини/The Dictionary of the Ukrainian Dialects of Odessa Region*. Odesa.
- Drozdovskij, Volodymyr (1961). Південнобессарабські українські говірки/The Ukrainian South-Bessarabia Dialects. *Праці X республіканської діалектологічної наради/The Works of the 10th Republic Dialectal Summit*. Kyiv, pp. 132–155.
- Drozdovskij, Volodymyr (1962). *Українские говоры Бессарабского Приморья/The Ukrainian Dialects of the Bessarabia Seaside*. Kyiv.
- Drozdovskij, Volodymyr (1962¹). *Українські говірки Бессарабського Примор'я. Частина I/The Ukrainian dialects of the Bessarabia Seaside. Part I*. Odesa.
- Drozdovskij, Volodymyr (1962²). *Українські говірки Бессарабського Примор'я. Частина II (додатки) The Ukrainian Dialects of the Bessarabia Seaside. Part II*. Odesa.
- DRU (1963). *Dicționar român - ucrainean The Romanian-Ukrainian Dictionary*. Chernovtsy.
- Herman, Kost (1998). *Атлас українських говірок Північної Буковини/The Atlas of the Ukrainian Dialects of the North Bucovina*. Chernivtsi.
- Hrytsenko, Pavlo (2006). Межиріччя Дністра і Дунаю у світлі лінгвістичної географії (стан і пріоритети)/The area between the Danube and the Dniester rivers on the basis of the linguistic geography (state and priority). *Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету/The Scientific Bulletin of the Izmail State Liberal Arts University*, no. 21, pp. 3–16.

Logvin, V. (1965). Морфологічна система говірок нижньої правобережної Наддністрянщини/The Morphological System of the Ukrainian Dialects of the Lower Right - Bank Dniester. *Територіальні діалекти і власні назви/The Territorial Dialects and Proper Names*. Kyiv, pp. 33–43.

Miroshnuchenko, Olena (2005). Східнороманські запозичення в українських південнобессарабських говірках /The East-Romance Borrowings in the Ukrainian South - Bessarabia Dialects. *Діалектологічні студії/The Dialectal Studies*, no. 5. Lviv, pp. 279–284.

Mukan, Ahafia (1960). *Українські наддунайські говірки. Фонетико-граматичні особливості/The Ukrainian Higher Danube dialects. Phonetic and Grammatical Peculiarities*. Gluhiv.

Mukan, Ahafia (1961) *Українские наддунайские говоры. Фонетико-грамматические особенности/The Ukrainian Higher Danube Dialects. Phonetic and Grammatical Peculiarities*. Kyiv.

Pavluk, Mykola (2003). *Українські говори Румунії. Діалектні тексти /The Ukrainian dialects of the Romania. The Dialectal Texts*. Edmonton, Lviv, New-York, Toronto: The Institute of the Інститут Ukrainian Studies of the NASU.

Prylupko, Nadija (1983). *Форми словозміни і ступені порівняння прикметників/The Adjectives' Word - Changing Forms and the Degrees of Comparison. Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів /The Phonetic, Morphological and Lexical System of the Ukrainian Dialects*. Kyiv, pp. 61–101.

Zavorotna, Tamara (1967). *Лексика українських наддунайських говірок/The Vocabulary of the Ukrainian Higher Danube Dialects*. Uzhgorod.